

СТРАШНАЯ КНИГА

М. ЗАГОРСКИЙ

ВЫШЛИ ВОСПОМИНАНИЯ П. А. Стрепетовой, артистки огромного дарования и темперамента, «Мочалова в юбке», как ее называли. По мнению А. Н. Островского, это была лучшая исполнительница его Кате-

П. А. Стрепетова. (С фотографии 60-х годов).

рины в «Грозе», и в письме к ней он писал: «Я давно твержу всем и каждому о вашем великом таланте». И этот талант, этот чистейший образец художественной правды на театре, был хищнически истреблен, убит и морально опустошен императорской сценой. Нельзя без волнения читать эти вопли, эти крики в ночи, эти призывы о спасении в ее письмах к Островскому.

«... Я часто боюсь за свой распад... Меня гонят — спасите!... Хотят «стереть» меня с лица театра... «Право не грех, если и приходит вопрос «быть или не быть».

За что же «гнали» артистку, за что ставили ее на край пропасти смысла о самоубийстве? Вышедшие воспоминания не доведены до этого страшного периода ее жизни на Александрийской сцене, и ответ приходится искать в письмах, воспоминаниях и записях ее современников, отчасти приложенных к книге, а отчасти рассеянных по многим журналам.

И делается ясным: в мир «казенных» людей искусства, в среду «мертвых душ» императорской сцены, в среду людей, хотевших только «играть», вошла артистка с некрасивым лицом, сутулая, вышедшая из «низов», дочь неизвестных родителей, подкидыш, вынесенная из своих скитаний по провинциальной сцене опромную чашу страданий, слез, оскорблений и горьких наблюдений над народной жизнью. Недаром она так любила читать с подмостков Некрасова. Она несла с собою на сцену огромную правду реалистических образов, глубокую тоску бесправных дочерей, закабаленных матерей и отвергнутых, обойденных счастьем женщин. В море салонных героинь, театральных графинь и княгинь, в царстве «красивых женщин» ей нечего было делать, и Александрийская сцена грубо и откровенно выставила ее за дверь.

В Стрепетовой жила какой-то тре-

бовательный и неуживчивый дух правды. Когда ее однажды на провинциальной сцене обидел приехавший гастролер Далматов, а муж М. И. Писарев не защитил ее, она вышла вместе с ними на вызовы публики и, «крепко держа обоих за руки, громко сказала, кланяясь в сторону Далматова: «Вот вам — подлец», а в сторону Писарева: «Вот вам — мерзавец». И вот вскоре в затихшем зале только и слышно было: «Вот вам — подлец», «Вот вам — мерзавец», повторяемые четко и ясно»...

Ее требования к искусству были огромны. Когда однажды заправили какого-то офицерского клуба в Кроштадте устроили после халтурного спектакля ужин «в честь артистов и прессы», то Стрепетова оборвала все речи в честь «святого искусства» злым окриком:

«Бросьте! Не суесловьте! Никакого светлого праздника святого искусства в этих кабацких стенах нет и не было. И сами вы пришли сюда только за тем, чтобы под благовидным предлогом лишнюю рюмку коньяку урезать, и жен привели, чтобы те на свободе на гардемаринов глаза пялили, а мы ни о каком служении не думали, а разве с антрепренера на голодные зубы пятишку сорвать, да вашу осетрину на даровщину поесть»...

Нашим молодым советским актрисам полезно прочитать эту книгу. Из простых, чистосердечных записей Стрепетовой встает во весь рост «российский театр» времен конца века, во всей его полной наготе и безобразии. Тут и антрепренеры из купчиков, обучающие артистов, как играть Шекспира и Шиллера, тут и «поклонники талантов», готовые «на все», но стесняющиеся здороваться с актрисами в «хорошем обществе», тут и обезды всей «знати» в городе перед бенефисом, при чем лакеи лишь изредка бросали фразу: «Пожалуйте, просят войти»... «Редко ко-

го принимали», — записывает артистка, для которой эти раз'езды были всегда глубоко оскорбительны. И все же ездила и терзалась. Еще бы! Иначе — срыв бенефиса, гнев всего города и голодная жизнь...

2.

Издана книга «Академией» очень тщательно, в особенности ценны примечания и библиография, составленные покойным М. Д. Прыгуновым. И все же не все благополучно в ней, можно было ждать большего. В книге опубликованы письма Стрепетовой к Островскому, но нет ответных писем драматурга к ней, хотя они имеются в «Ежегоднике» за 1918-19 гг. Среди иллюстраций нет таких замечательных художественных характеристик, какими являются портреты Стрепетовой работы Ярошенко и Репина, а также зарисовка последним Стрепетовой в роли Елизаветы в «Горькой судьbine» — одной из лучших ее ролей.

И, самое важное, во вступительной статье Ив. Кубикова проводится совершенно ложная идея о том, что «игра Стрепетовой так же была насыщена элементами народнического, демократического натурализма, как и литература 70-х годов». Такой же натурализм (да еще «народнический»!) был в игре Стрепетовой! В ее Катерине из «Грозы» было все кроме натурализма, а в ее Елизавете было все кроме плоского, житейского и мелко-бытового изображения действительности. Огромный размах страстей, взрыв текста внутренней силой чувств, сконцентрированность образа приемами широких, сочных и резких мазков, предельная простота тона добываются только сложной работой над отбрасыванием сотни близлежащих интонаций — какой жэ это сценический натурализм? А именно такой была игра Стрепетовой, и именно в этом ее непреходящее значение в истории русского театра.